

[karga_golan](#) June 28 2009

Ария Демона над парком

4 июля в «Амфи-Парке» Раананы состоится сольный концерт Дмитрия Александровича Хворостовского. К исполнителю такого уровня и с таким количеством наград и званий обращаться можно только по имени-отчеству, хотя Дмитрий Александрович – молод, силен и что еще важнее – полон планов и генерирует идеи одна за другой. Одна их таких идей – выступить в Израиле, где впервые он побывал в 1997 году, представив программу русской духовной музыки на одном из международных Фестивалей искусств.

Нынешний концерт предполагает другой антураж и другую публику. «Амфи-Парк» рассчитан на несколько тысяч человек, реклама вокруг единственного концерта выдающегося баритона поднята в соответствии с его реноме. Аншлаг, суета, шумиха. Шумиха сопровождает Хворостовского всегда и повсюду – от выступлений с лучшими симфоническими оркестрами и на оперных сценах мира (в его репертуаре – около 50 оперных партий) до съемок клипов песен Игоря Крутого в России. Но есть и минуты тишины: в саду его лондонского дома поют птицы, что хорошо слышно по телефону, когда Дмитрий Александрович дает интервью в редкий день отдыха с семьей.

- Вы увешаны наградами, как рыцарь закован латами – так их много. Заслуженный артист России, народный артист России, лауреат первых премий Всероссийского конкурса вокалистов и Всесоюзного конкурса им. Глинки. В 1988 году вы получили Гран-при конкурса в Тулузе. В 1989 - титул "Лучший голос" на конкурсе Би-Би-Си. Вы также лауреат международной премии "Золотой Орфей" Парижской академии оперных грамзаписей, лауреат Государственной премии России (1991). По итогам 2005 года вы стали лауреатом престижной премии «Соотечественник года». Чего-то еще не достает? Что бы вам еще хотелось – какого звания?

- Последний раз очередное «звание» мне предоставили 2-3 года назад. Народного артиста России я получил, будучи очень молодым и, честно говоря, это звание есть у многих – достойных и менее достойных. Это, конечно, большая честь, но количество наград и почестей далеко не единственный критерий.

- А что является критерием для оперного певца? Разумеется, помимо восхищения публики и интереса импресарио.

- Саморазвитие. Постоянное движение вперед, освоение нового репертуара, профессиональные цели и творческий рост. Перманентное недовольство собой – это и есть основной критерий. Именно это недовольство позволяет превозмогать себя и достигать новые вершины. Звания – это почетно, но это скорее строчки в некоем табеле о рангах. Настоящего артиста невозможно втиснуть в никакой табель.

- Вы говорите о постоянном движении вперед, о новом репертуаре. Но в программу вашего концерта в Израиле включены арии из почти забытых опер - «Демона» Антона Рубинштейна и «Вильгельма Телля» Россини. Это крайне редко исполняемые произведения. Вы выбрали их намеренно, из желания воспитывать публику, забывающую о своем развитии?

- Я никогда не пытаюсь публику воспитывать – это не мое дело. Эти оперы редко исполняются во всем мире, но арии из них популярны и звучат довольно часто, так что их вполне можно исполнять на подобном сольном концерте. Сами арии интересны, красивы, написаны для баритона – естественно, что я их пою. Поначалу я собирался исполнить одну из арий Вагнера, но мне объяснили, что в Израиле лучше Вагнера не петь, это достаточно скандально.

- Это была просьба импресарио? Насколько он вмешивается в ваш репертуар?

- Мой импресарио абсолютно не причастен к творческой стороне дела. Он организует выступления, а репертуар определяю я. Именно я сам полностью ответственен за творческую часть, составляю удобные мне и любимые многими программы, естественно учитывая, где и для кого проходит концерт. Поскольку в Израиле концерт устраивается в основном для русскоязычной публики и на большой открытой площадке, то программа должна быть более развлекательной, так что если в первом отделении я исполню оперные арии, в том числе и свои любимые, вердиевские, из «Травиаты» и «Риголетто», то во второе отделение я включил популярные песни Пахмутовой, песни военных лет Блантера, Богословского, Бабаджаняна, неаполитанские, пытаюсь учесть возможные пожелания зрителей на все случаи жизни.

- Предстоящий концерт предназначен в основном для русскоязычной публики. А что бы вы спели для коренных израильтян?

- В моем репертуаре пока нет ни новых израильских песен, ни песен на иврите на слова известных еврейских поэтов средневековья или прошлого века - но все в будущем.

- Вообразите невообразимое, представьте непредставимую ситуацию: вы прилетаете в Израиль впервые, вас здесь никто не знает. Страшно, но надо самому рассказать о себе публике. Как вы это сделаете?

- Я должен выйти перед концертом и что-то сказать? Я бы начал петь, а не

говорить – петь оперные арии, то, что я умею делать лучше всего. Арии из опер Верди, Чайковского, Россини. А потом бы исполнил неаполитанские песни и песни военных лет, к примеру «Жди меня».

- Вы выбрали точно. «Жди меня» знают и израильтяне, это песня переведена на иврит. Но главным для вас, как вы сами подчеркиваете, остается опера, несмотря на камерный репертуар, песни военных лет, фильмы-оперы, исполнение романсов и ораторий, духовной музыки русских композиторов, произведений Малера и де Фальи, специального для вас написанного цикла Георгия Свиридова на стихи Блока и Есенина, десятки альбомов на «Philips Classics» и «Delos».

- Опера вошла в мою жизнь еще в детстве. И до сих пор в моем репертуаре преобладают итальянские и русские оперы: «Пиковую даму» Чайковского я считаю шедевром.

- А что вы думаете по поводу репертуарного оперного театра? Ведь эпоха академического оперного театра с постоянной труппой, с «домашними» певцами закончилась. На что сейчас идут в оперный театр – на любимых «своих» исполнителей или на приезжих звезд?

- Во всем мире сильна тенденция к блеску – то есть оперный театр прежде всего должен блистать на очень высоком уровне, и потому относительное затишье репертуарной труппы себя изжило. Я за то, чтобы в оперных театрах выступали гастролеры, но это ни в коем случае не должны быть залетные, случайные исполнители: ведь опера – жанр многоплановый и командный одновременно. Те, кто принимают участие в спектакле, должны готовить его месяцами, но любая интересная постановка на высоком уровне должна включать и звезд. Оперные спектакли требуют сегодня не только сложных декораций, но и особой пластики певцов, потому любой приезжий солист обязан стать частью команды. Надо искать новые пути для того, чтобы опера не стала музейным жанром, чтобы зрители нашли отражение в спектаклях своим эмоциям – в опере они эстетичнее всего.

- Вы ездите по всем миру. Как любой исполнитель высочайшего класса немало времени проводите в самолетах. Есть ли у вас до сих пор постоянный педагог к кому вы можете приехать из любой точки земного шара и разрешить профессиональные сомнения, если они возникают? Насколько это необходимо певцу вашего уровня?

-Я занимаюсь самостоятельно уже 20 лет – с того времени, как полностью занялся своей карьерой. Но мой случай не типичен: певцы очень высокого уровня продолжают заниматься с педагогами. Просто мне, из-за моего характера, педагог бы мешал.

- Вы чересчур независимы?

- Так уж сложилось. Пять лет я проучился в Красноярском институте искусств у Екатерины Константиновны Иофель, которая прекрасно меня обучила

определенным навыкам, в том числе и тому, как заниматься самостоятельно. Так что в том, что я на данный момент представляю собой, заслуга в основном моего собственного труда.

- После 20 лет карьеры еще не настала пора завести учеников?

- Абсолютно нет. Никакого педагогического начала я в себе не чувствую. У меня нет ни желания, ни времени, ни возможностей вести занятия. Я постоянно занят, времени едва хватает на себя. Хотя иногда я участвую в мастер-классах: мне это интересно, я пытаюсь передать свой опыт, но постоянные занятия со студентами не планирую.

- С раннего детства вы любите слушать пластинки, еще в родительском доме у вас была коллекция записей. Собрание дисков пополняется? Есть ли у вас время слушать новые записи?

- Слушать музыку – это часть моего рабочего процесса. Я все время слушаю новую музыку, новых певцов и своих любимых оперных исполнителей и до сих пор много черпаю для себя в этом.

- Электронная музыка, техно – записи таких стилей есть в вашей фонотеке?

- Конечно. Тем более, что я работаю над 24 песнями Игоря Крутого для нового проекта. Эти произведения написаны в жанре хаус-мьюзик, немного техно. Есть в этом проекте и русский романс, французский шансон, итальянская традиционная канцона, лаунж. Я достаточно много времени изучал эту музыку и мне она явно нравится.

- Лично я предпочитаю ваши оперные записи. Существует ли пока чисто теоретическая возможность услышать вас на сцене Тель-Авивской оперы?

- Это несколько неожиданный вопрос – хотя все возможно, но пока что до встречи в парке.